

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

СЛОВО В ОКОПЕ

БОИ ШЛИ НА ДОНУ

Вот уже более десяти лет я собираю материалы о деятельности М. Шолохова в годы войны. Мне удалось разыскать ряд товарищей, которым довелось встречаться с писателем в военной обстановке. В годы войны Шолохов был на разных фронтах — Западном, Южном, Сталинградском, 3-м Белорусском... Между поэтами на фронте он нередко заезжал в Камышин, где одно время жила его семья. Здесь Михаил Александрович написал «Науку ненависти», первые главы романа «Они сражались за Родину».

С Николаем Григорьевичем Вединым, старшим коммунистом Камышина, я знаком давно. Журналистские заботы не раз приводили меня к нему на квартиру. Как-то в одну из встреч разговор зашел о Михаиле Александровиче Шолохове: в годы Великой Отечественной войны Ведину доводилось нередко встречаться с писателем.

Николай Григорьевич молча достает из книжного шкафа толстую, увеличенного формата книгу и бережно кладет на стол. На обложке — «Михаил Шолохов. Тихий Дон». А на титульном листе надпись: «Дорогому Н. Г. Ведину с большим дружеским чувством. М. Шолохов. 11.VII. 42 г.»

Бабушкины котлы

Весь день вывел дождь, не позволяя спать и сны. Он перешел вчерашнюю зарю и в ночь зашумел еще пуще.

Николай Григорьевич Ведин дважды выходил на улицу, чутко прислушиваясь: не гудит ли машина. Но вчерашний дождь, словно высокий камыш, да отдаленно, как из-под земли, слышались взрывы. Бои шли на Дону, под Клетской...

«К армейцам пойду с охотой»

Стояла осень сорок третьего года. «Правда» печатала главы шолоховского романа «Они сражались за Родину». Красноармейцы в госпитале жадно читали газету.

Начальнику клуба госпиталя Софье Дмитриевне давно хотелось пригласить Михаила Александровича на встречу с красноармейцами. Но писатель находился на фронте и лишь изредка приезжал в Камышин.

И вот Дмитриева спешит на Набережную улицу, к дому Шолохова. Накануне она сказала: приехал Михаил Александрович.

С волнением поднялась Дмитриева на высокое крыльцо красного кирпичного дома. Открыла дверь в боковую комнату. Шолохов — за столом. На столе — письма, газеты... Несмотря на ранний час, писатель работал.

Софья Дмитриевна сказала о цели своего визита.

К армейцам пойду с охотой, — пообещал Михаил Александрович.

..В зале клуба — яблоку упасть негде. Рядом от бинтов и повязок Шолохов вышел к столу, невеселый, ладный, в зеленой гимнастерке, галфе.

Здравствуйте, дорогие! — приветствует он красноармейцев. На открытой лице — смущение, улыбка.

Я недавно был на фронте, — после небольшой паузы начал Михаил Александрович. — Обстановка у нас складывается благоприятная. Красная Армия гонит врага, как затравленного зверя. Мы научились и ненавидеть, и воевать.

Шолохов несколько секунд молчит, всматриваясь в лица красноармейцев, потом говорит:

Теперь прошу спрашивать. Вопросы разные.

— Когда будет напечатано продолжение романа?

— Пишу новые главы. Тороплюсь.

— Останется ли жив Лопахин?

— Не могу сказать. Впереди его ждет много боев. И останется ли он жив, это зависит не от меня.

— На какой фронт теперь поедете?

— Сейчас на Западный фронт. Думаю, туда.

— Вы бы, товарищ писатель, не ездили на передовую, — просят раненые. — Мы вот разрываем в госпиталях и за себя, и за вас повоем. Вы в этом не сомневайтесь.

Спасибо за доброе слово, — улыбается Шолохов. — Но на фронте, сами понимаете, никто не лишится. Каждый из нас бьет врага своим оружием. А оружие писателя — слово. Оно сейчас в окопах нужно.

..Через несколько дней полковник Шолохов снова выехал на фронт.

Василий МАМОНТОВ.

Земные, вечные

Я счастлив, что судьба одарила меня знакомством с великим писателем современности — Михаилом Александровичем Шолоховым.

Хорошо помню, какое волнение охватило участников первого совещания молодых писателей социалистических стран, когда стало известно: нас приглашает в Венесуэлу Шолохов! Почетным гостем нашего совещания был Юрий Гагарин. Мы ехали вместе. И когда прибыли на землю тихого Дона, нас встретил этот замечательный человек, чьи книги читает весь мир, беседует с нами, размышляет о жизни и творчестве. Такого для нас было впервые. Думаю, что уроки Шолохова-художника не забудем с уроками Шолохова-человека и мыслителя.

О нем говорят: большой друг молодежи. И это действительно так. Стоит сказать хотя бы о том огромном внимании, которое Михаил Александрович проявляет к молодым прозаикам и поэтам. И я рад, что и мое творчество не оставило равнодушным Шолохова, который к сборнику моих стихов «Чувство Родины» написал предисловие. Стоит ли говорить, как много значит для поэта теплые слова поддержки большого мастера.

Владимир ФИРСОВ.

На берегу высоком и крутом,
Над тихим Доном с неумным правом
Они стояли,
Покаясь о том,
Как тяжело ходить под гнетом славы.

Ни звука.
Лишь казалась, что едали
Со звоном блины солнечные блики.
И не было ни слышимых,
Ни великих
Перед величьем матери-Земли.

Земля...
Судьба Гагарину дала,
Неслыханное выповни задание,
Увидеть первым,
Сколько она мала,
Сколько крошечна
В масштабе мироздания.

А Шолохов был рядом с ним сейчас,
Он прожил жизнь, в которой были ночи,
Когда он не смыкал уставших глаз,
Судьбою человека озабочен.

Мала Земля.
И все же велика
Людью, что эту Землю обогрели,
Огнем, в котором за нее горели,
И стали славы, что живет века...

Два человека медленно брели
Над тихим Доном — тихим и свирепым.
И был один немилый без земли,
Как и другой немилый был без неба.

И Шолохов приставил на миг глаза,
Как будто чувствовал, лишь ему понятным,
Он ошутит,
Что могут небеса
Гагарина
И не вернуть обратно.

Он эту мысль прознал, сказал: «Чудак»,
Нерозком так сказал, почти невнятно.
— Что, Юра, призадумался?
— Да так...
Я о Земле подумал.
— Вот и ладно.

Признания

М. А. Шолохов и Д. Д. Шостанович.

Шолохов, — судя по первому тому («Тихого Дона», ПРИМ. РЕД.), — талантливый... Каждый год выдает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анфакски, талантлива Русь.

Максим ГОРЬКИЙ.

Лучшие из новых произведений советской литературы (например, книги Шолохова) продолжают в основном великую реалистическую традицию предшествующей эпохи, составляя душу русского народа, которую обессмертили произведения Льва Толстого.

Ромен РОЛЛАН (Франция).

Мне очень нравится русская литература. Из современных писателей мне нравится Шолохов. Эрнст ХЭМЛИНГУЭЙ (США).

Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все — здесь это все!» Анна ЗЕРГЕР (ГДР).

«Тихий Дон» ознакомили итальянский народ с великой эпохой революции и социалистического строительства в полной реальности и подробности. Поэтому мы его ценим и любим как один из шедевров литературы всех времен. Пальмиро ТОЛЪЯТТИ (Италия).

Из всех ныне живущих писателей самым крупным, по моему мнению, является Михаил Шолохов. Диллан ХЕЛМАН (США).

48

ВЕЛИКОЕ ИМЯ ВЕКА

В эти дни почтовое отделение станции «Вешенской» работает с явной перегрузкой. Оттуда только не идут сюда сегодня телеграммы и письма, на которых и адрес-то порой написан вопреки самым строгим почтовым инструкциям — просто «Вешенская». Кто же не знает, что это в Ростовской области, на славном тихом Дону, где живет великий писатель земли русской? И никто из девчат не сетует на все эти хлопоты — приятно все-таки быть лично причастным к празднику, который отмечает вся читающая страна.

Шестидесять лет назад (19 сентября 1923 года) в газете «Юношеская правда» опубликован первый материал писателя, теориям которого в будущем было предопределено завоевать весь мир. Книжки М. Шолохова силой своего могучего художественного воздействия рассказывали людям правду о нашей Советской стране.

Теплые слова благодарности адресуют своему знаменитому земляку шахтер дважды Герой Социалистического Труда Михаил Чух; знавший меха-

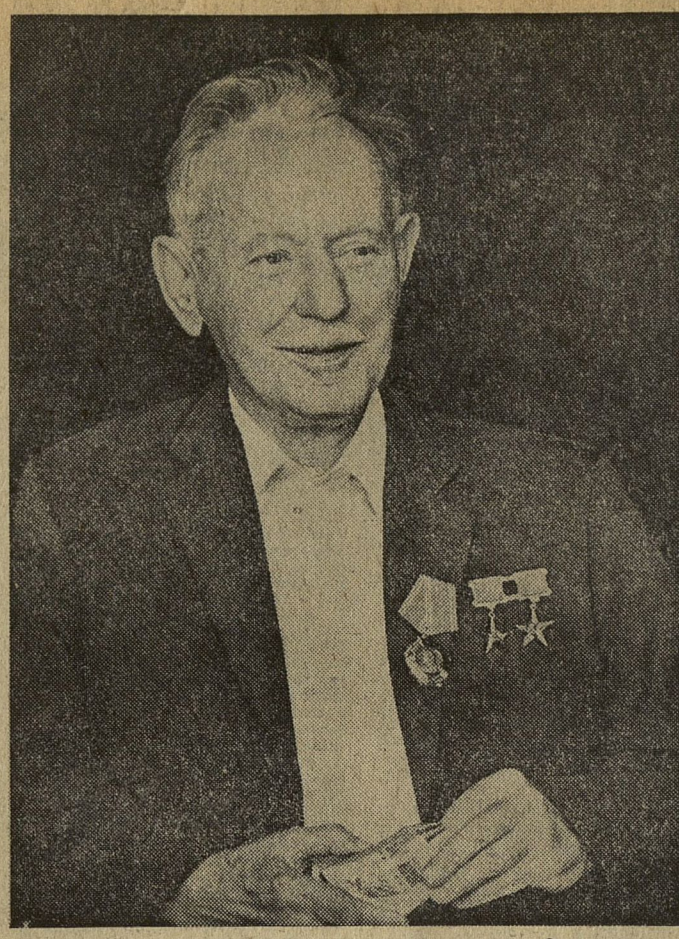
низатор Герой Социалистического Труда Нина Перевезева; полководец Герой Социалистического Труда Раиса Горюхова. Взошедшие на страницы писателя труженики совхоза «Поднятая целина» вешенского района, коллективы производственных объединений «Ростсельмаш» и «Атоммаш»...

Праздник творчества Михаила Александровича Шолохова в эти дни проходит во всех городах и селах Дона.

Завтра в Вешенскую соберется делегация представителей трудовых коллективов, советских и партийных работников Дона, чтобы лично от имени земляков поздравить Михаила Александровича Шолохова с большим событием его жизни, поблагодарить за выдающийся вклад в мировую литературу и пожелать здоровья.

От имени своих многочисленных читателей с творческим юбилеем поздравляет Михаила Александровича Шолохова и «Советская Россия».

(Материалы, посвященные жизни и творчеству гениального художника, публикуются на 4-й полосе).

94

СЛОВО В ДОРОГЕ

Его и наши судьбы

КАЖЕТСЯ, это было недавно, а беглые строчки в старом блокноте уже успели поблекнуть: десять лет этим записям, сделанным на рыжий доносковый выцветший блокнот Мелодовским. На военных картах он назывался Мелодовским, и в восточной Сталинградской области, в районе села Мелодовского, в этом месте по совету Михаила Александровича Шолохова киногруппа «Мосфильм» с постановщиком Сергеем Бондарчуком снимала «Они сражались за Родину».

На каменистой известняковой земле возле свежего бруствера сидели в мокрой от пота гимнастерках Василий Шукшин, Иван Лапиков, Георгий Бурков. Рядом темнели заросшие полынью старые окопы. В небе над синим Доном кружили и кружили орлы. После той короткой встречи между съемками и остался в моем блокноте две беглые записи, которые сегодня, спустя годы, облетают в душе особые звуки.

Шукшин, задумчиво глядя в доноску дала, подписанную маревом, говорил, как всегда, коротко, со словами не спешил. Он будто вытаскивал их из глубокого колодца:

Шолохов перевернул меня. Он мне внушил, не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, — что нельзя торопиться, суетиться в искусстве. Заразил меня Шолохов своим отношением к жизни.

Помогал, взял сухую былинку, долго ее разгладывал: — Здесь нельзя не думать о народном подвиге... Уж больно тяжелая игра получается... Мой герой Лопахин — народный характер. Это живой человек, как все люди, схваченные муарым взглядом Шолохова. От шолоховской правды получаешь огромное наслаждение.

Перерыв закончился, издали со стороны степи послышался железный грохот танков.

— Начинается, — вздохнул Василий Макарович, встал, оправил гимнастерку, позвал Буркова и

пошел, чуть сутулясь, навстречу этому грохоту. Живой Лопахин. Последняя его роль и последние литературные замыслы были символично освещены шолоховским талантом, шолоховской мудростью.

Вторая запись была начата там же, на Дону, в беседе с моим земляком Иваном Герасимовичем Лапиковым, ныне народным артистом СССР. Потом беседа была продолжена.

— Мне сильно повезло в творческой судьбе: она подарила дважды встречу с героями Михаила Александровича. Помню, у меня был «поисковый» период героя, читал сценарий за сценарием, и вдруг повзвонил знакомый по студии режиссер и спросил, знаю ли я ранние рассказы Шолохова. Впрос был совершенно неожиданным. Я спросил, о каком рассказе конкретно идет речь. Он не называл, стал пересказывать сюжет, и я с первых же слов понял, какое это произведение: книжку «Донские рассказы» я еще в школе читал в захлеб и даже некоторые образы пытался играть.

Я оставил сценарий и тут же помчался на студию. И до сих пор храню в сердце это ни с чем сравнимое волнение счастливого ожидания встречи с героями Шолохова.

А потом была работа над фильмом «Неприкаянная любовь», и, наконец, «Они сражались за Родину».

Михаил Александрович показал душу советского человека на войне. Вспомните эпизод: бывший комбайнер Звягинцев увидел, как загорелась после немецкого артобстрела пшеница, и выскочил из окопа, кинулся спасать: хлеб горит! Осколки нежности и веры в жизнь в его словах, когда он шел на ладонь подожженной пшеницы. Не может не дрогнуть сердце от этих слов: «Милый, ты мой, до чего же ты прокопался! Дымом от тебя воняет, как от цыгана... вот что с тобой сделали... оскотенные души».

Играть характеры, созданные Шолоховым, большая творческая радость. Задача артиста — только сохранить все краски бурного потока его народной правды...

ДОРОГА неожиданно пропала, и я увидел неяркий, почти затухающий костер. В деревьях стоял туман, в тумане с костром был затонувший мальчиш полет. Это был рыбак-стан. Возле костра полужелтый на примотанном к нему куске крупного сложения, совершенно седой.

— Данилов, — назвался он, — Андрей Дмитриевич.

Оказалось, бригада сегодня выполняла задание на отлове леща, и рыбаки на радостях поехали в «утор».

— А мне ехать не к кому, — сказал Андрей Дмитриевич и замолчал, глядя в костер. Потом, после неловкого этого молчания, он ушел перестоявшись ухой, а мы его — болгарскими сигаретами. Постепенно его сердце как бы оттаивало. Он стал рассказывать о своей жизни. Я слушал его, и рассказы казались уже знакомыми.

Андрей Дмитриевич был в молодости плотником. Ходил по хуторам и станицам, ставил дома, работал в колхозе. Потом женился и осел на одном месте. Все постепенно стало устраиваться. На работе был в почете, жена душевная. Сын народился. А тут — война.

На войне Андрей Дмитриевич служил в пехоте. Воевал под Ленинградом, на Южном фронте, на Украине. Получил восемь ран, но отлеживался в госпитале и опять возвращался на фронт. Под Ростовом попал в плен, через три суток бежал.

— Испробовал много земель: свою, польскую, немецкую. Но вот кончили воевать, пора ехать по домам. И я поехал. — Он долго молчал.

— Приехал домой, а на месте дома — заросшая бурьяном яма. И могильный холмик под грушей. Одной бомбой унесло сразу всю мою родню. Постоял я возле той могилки, кинул

за плечо вещевой мешок и пошел куда глаза глядят.

Однажды в Урюпинске старуха рассказывала ему об одиноком соседке-мальчишке Сергее: отец не вернулся с войны, а мать убило грозой. Андрей Дмитриевич пошел в этот дом. Потом «его вывели на дороге за селом: он вел за собой ослепшего подростка, выходящая попутная машина».

— Не знаю, как это бывает, но когда я его увидел одного в пустом холодном доме, сразу подумал: не оставлю.

Андрей Дмитриевич замолчал. Мне нетрудно было догадаться, почему его рассказ сразу оказался знакомым: это же была очень сложная судьба героя шолоховского «Судьбы человека».

И даже имя одно — Андрей. В тайной надежде я спросил, не встречался ли Андрей Дмитриевич с писателем Шолоховым, который живет почти в здешних местах, немного выше по Дону. Нет, не встречался, — ответил он. Но начал подбирать в костер сухих веток, и добавил: — Встретиться не встречался, но про меня ему известно. Рассказал, что ли, кто? Слушаю как-то радио, и весь задыхался: как с моей жизни списано. Поверите, даже в груди затрясело — со мной ведь все это было, со мной! Жду конца, и конец так же, как в моей жизни... Я слушал старого солдата, и что-то сжимало сердце. В этой поездке по Дону и Прихотию Андрей Дмитриевич Данилов был третьим, кто узнавал себя в шолоховском Боклове.

Пройдет много лет, Дно намет новые берега, вырастут новые поколения, и среди них, вместе с ними будут жить простые люди со своими далеком простыми судьбами — труженики, партийцы, солдаты, описанные Шолоховым. Как вечный Дон, так вечно течение народной жизни во всем, что создал его талант.

Виктор ДРОБОВСКИЙ. Волгоградская область.

СЛОВО В ЦЕХЕ

Пропуск на Кировский

«Мне часто задают вопрос: почему Давыдов краснопутиловец, а не киевлянин, мичанин или харьковчанин? — говорил Шолохов, выступая на встрече с коллективом кировцев. — Ответаю. 31 год тому назад, когда я начал писать «Поднятую целину», это был мой низкий поклон интересую пролетариату, рабочему классу... Я горжусь вашей славой, горжусь тем, что Семен Давыдов тоже ваш».

О нашем дорогом Шолохове, о его работе и редкостном мастерстве столько написано, что на новые открытия в области этой темы нет никакой надежды. Да и задача у меня другая. Я хочу сказать несколько слов о том, почему мы, путиловцы-кировцы, так любим этого человека, так дорожим давней многолетней дружбой с ним.

Слов нет, дружбе нашей помог своим появлением на свет Семен Давыдов — краснопутиловский слесарь и одновременно замечательный шолоховский герой. Никогда и никто на Кировском не согласился, что Давыдов — создание писательской фантазии. В нем все широкое — душа и характер, упрямство и самолюбие, в нем кровь ходит с нашей путиловской скоростью. Поэтому в великодушной родословной краснопутиловцев-кировцев рядом с именами, вошедшими в историю народа и Советского государства, имя Семена Давыдова — не пустой звук. Оно там по праву. Родное имя.

И Михаил Александрович Шолохов — родной нам человек. По праву родства приезжает он в гости на завод не один, а с вешенскими казаками. По праву родства зовет в гости к себе не только наших стариков. Он их любит и хорошо понимает, «люди моей расцветки, ровесники Давыдова» — так говорит он о них. С ними приглашает и молодежь — почти по-семейному. И вот не так уж часто такие встречи, не так непрерывна наша связь с Шолоховым, а чувство родства не рвется.

Я был одним из трех литкуровцев-кировцев, кто, полагаясь больше не на мастерство или опыт, а на комсомольский энтузиазм, решил писать историю Кировского завода. Долго рассказывать, как

М. А. Шолохов среди рабочих завода «Ростсельмаш».

Фото Б. Каранина.

С. КОСТЮЧЕНКО, инженер Кировского завода.